

АРМЯНЕ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XVII в.

Дж. О. ГАЛУСТЯН

Появление армян на Руси, в Польше и на Украине относится к XI—XIV вв., когда происходил распад армянских государственных образований, вызвавший массовую эмиграцию армян в другие страны. Польша и Древняя Русь не препятствовали расселению армян на своих территориях, а нередко даже приглашали их, предоставляя им права автономных самоуправляющихся общин. Со своей стороны армянские поселенцы оказывали посильную помощь славянским княжествам. В Польше они активно участвовали в экономической, общественно-политической и культурной жизни страны.

Польский двор нередко привлекал армян к дипломатической службе, поручая им рискованные и ответственные миссии в страны Востока, где в своей деятельности они могли опираться на имеющиеся у них родственные и другие связи¹.

Польские власти были уверены в преданности армян, да и армяне свои дипломатические функции «выполняли не бесстрастно. Имми руководило желание служить новой родине и ненависть к своим злейшим врагам—туркам»².

Дипломатические миссии, обычно возглавляемые знатными польскими магнатами, включали в свой состав армян в роли драгоманов (официальных переводчиков), купцов и служилых людей. Иногда армяне даже возглавляли посольства.

В составе первого польского посольства Скарбка из Гуры, отправленного к турецкому султану в 1415 г. для заключения перемирия, в качестве переводчика находится советник и доверенное лицо польского короля Владислава Ягайло армянин Гжегож (Григорий), за свои старания получивший впоследствии в дар земельное владение³.

Институт переводчиков в Польше получил свое официальное признание в связи с расширением торговых отношений. Возникла необходимость на городском рынке иметь одного или нескольких переводчиков, знавших восточные языки. Среди них первое место занимал городской переводчик, наделявшийся функциями торговой и политической

¹ См., напр., Н. А. Линниченко, Общественная роль армян в прошлом юго-западной Руси, «Чтения в историческом обществе Нестора летописца», кн. 9, Киев, 1895.

² M. Załkrzewska-Dubasowa, Ormianie Zamojscy i ich rola w wymiarze handlowej i kulturalnej między Polską a Wschodem. Lublin, 1965, стр. 230.

³ S. Barącz, Żywoty sławnych Ormian w Polsce, Lwów, 1856, стр. 131—136.

полиции, о чем свидетельствует сохранившийся контракт, заключенный в 1657 г. между властями города Львова и армянином Миколаем Байдуловичем. В этом документе на переводчика возлагаются обязанности распознавать среди приезжающих чужеземных купцов агентов других государств и сообщать о них городским властям. Главный переводчик был обязан также представлять бурмистру всех приезжавших и выезжавших из Львова восточных купцов. Без разрешения бурмистра и переводчика ни один из иностранных купцов не получал права въезда и выезда из города⁴.

Сколько честно и бескорыстно служил Байдулович городу, свидетельствует тот факт, что он по повелению короля был включен в 1667 г. в посольство Радзеевского в Османскую империю⁵.

Байдулович был назначен польским королем пожизненно переводчиком, ему было пожаловано шляхетство⁶.

Кузницей дипломатов в Польше служила коронная канцелярия, откуда набирались работники на дипломатическую службу. С XVI в. армянам доверялись уже не только функции переводчиков, но и приставов, секретарей коронной канцелярии, драгоманов, тонцов, посланников и даже послов.

В XVII в. почти вся восточная торговля Польши была сосредоточена в руках армян. Часто бывая в торговых целях в Персии, Турции, зная экономику, политическое положение этих стран, армянские купцы присылали оттуда в Польшу необходимые сведения.

Одним из видных дипломатов, установившим в начале XVII в. непосредственный контакт польского государства с шахом Аббасом I, был крупный армянский купец из Варшавы, сын королевского дворянина Северина, приближенный короля Сигизмунда III—Сефер Муратович.

Свое путешествие на Восток Муратович описал в «Отчете жителя Варшавы, отправленного в Персию в 1602 г., о выполнении задания», опубликованном в XVIII в. армянским историком Ю.-Э. Минасовичем⁷.

Польские исследователи утверждают, что Муратович, направляясь в Персию, имел и политическое задание⁸, в чем нас убеждает анализ написанного им «Отчета». Внешне коммерческий вид его посольства облегчал, по-видимому, достижение целей. Дело в том, что шах Аббас I, искавший против Турции союзника в Европе, еще в 1599 г. посылал в Польшу и к римскому папе Клементу VIII посольство; посольство до Сигизмунда III не дошло, так как русское правительство, договаривав-

⁴ Wł. Łozinski, *Patrycjat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII wieku*, Lwów, 1892, стр. 301—303.

⁵ См. S. Barącz, указ. соч., стр. 58.

⁶ См. L. Korwin, *Ormlańskie rody szlacheckie*, Kraków, 1930, стр. 70.

⁷ S. Muratowicz, *Relacja obywatela warszawskiego dla sprawowania rzeczy wysłannego do Persji w roku 1602*, Warszawa, 1777.

⁸ St. Brzezinski, *Misjonarze i dyplomaci polscy w Persji w XVII i XVIII w.*, Potulice, 1955, стр. 8; A. Przyboś i R. Żelewski, *Dyplomaci w dawnych czasach, Relacje staropolskie XVI—XVIII stulecia*, Kraków, 1959, стр. 180.

шееся с Турцией против Польши, не пропустило персидского посланника. Попытка римского папы направить в Персию своего посла также не увенчалась удачей. Чтобы отвести все подозрения, польское правительство направило туда Муратовича якобы для закупки восточных товаров.

Как показывает содержание «Отчета», Муратович был образованным человеком, владевшим персидским языком, знавшим дипломатический этикет, нравы персидского двора, хорошо разбиравшимся в политической обстановке. Прибыв в персидский город Кашань, Муратович имел встречи с шахом, на которых уверял шаха, что «дружба польского короля может быть полезна его шахову величеству более, чем какого-либо другого христианского государя»⁹ и что король «желает быть в дружбе с его шаховым величеством»¹⁰. Муратович обнаружил большую осведомленность во внешнеполитической обстановке и в отношениях персидского шаха с европейскими государствами, чем расположил к себе Аббаса I, признавшего, что «никому из послов—ни московскому, ни английскому, ни венецианскому и ни папскому—не удалось его так удовлетворить, как этому человеку, с которым [он] мог говорить на своем языке»¹¹.

Муратович добился у шаха обещания послать в Польшу посольство, получив при этом письмо для польского короля с просьбой ответить на него. Миссия Муратовича увенчалась установлением дипломатических отношений с Персией, в награду за что Сигизмунд III пожаловал ему пожизненную должность коронного справника, главы над армянами в Польше.

Другим дипломатом начала XVII в. был Петр Грегорович. «Это была необыкновенная личность, тип дипломатического и финансового агента, имевшего широкие связи на Западе и Востоке, известный при дворах Вены, Стамбула и Варшавы»¹²,— пишет о нем Вл. Лозинский. О Грегоровиче сохранилось мало сведений. Известно, что он получал герб и шляхетство от императора «Священной Римской империи» Рудольфа II, утвержденные затем королем Сигизмундом III. После того как в 1616 г., во время путешествия в Молдавию, Грегорович был убит, среди его бумаг были найдены привилеи на шляхетство, выданные ему и его брату австрийским императором, привилеи на Молдавское воеводство, выданный воеводе Михалу, несколько венгерских писем, письма к императору Рудольфу и от него—молдавскому воеводе Константину Могилу, ряд счетов императорской казны. Грегорович, по-видимому, был дипломатом, оказывавшим не только политические, но и финансовые услуги как польскому, так и австрийскому двору.

Наиболее сложной и трудной областью дипломатии Речи Посполитой были сношения с Турцией. Для Польши XVII в. они имели особое

⁹ S. Muratowicz, указ. соч., стр. 11.

¹⁰ Там же, стр. 13.

¹¹ Там же, стр. 27.

¹² Wł. Łozinski, указ. соч., стр. 282.

значение, поскольку острее агрессивной политики Турции и ее вассалов было направлено против нее. Непрерывавшиеся в XVII в. польско-турецкие войны требовали от польских дипломатов гибкости.

В своей борьбе с турецкой агрессией польское государство возлагало определенные надежды и на армян Польши, видя в них союзников в создании антитурецкой коалиции. II армянские общины Польши спраздывали эти надежды, рассчитывая тем самым помочь освободительному движению закавказских народов, в частности армянского. Поэтому в XVII в. в Константинополь, часто для выполнения важных политических и военных миссий либо с целью сбора нужной для Польши информации посылались армяне.

Армянской семьей, давшей известных дипломатов и переводчиков, была семья Серебковичей, пользовавшаяся опекой польских королей Сигизмунда III и его преемника Владислава IV. Самым выдающимся представителем этого рода был Криштоф Серебкович, сыгравший важную роль при заключении Хотинского трактата, завершившего польско-турецкую войну 1620—1621 гг., которая на время отодвинула угрозу турецкой агрессии. 9 октября 1621 г. между Польшей и Турцией под Хотинском был заключен мир. Предварительные условия мирного договора были выработаны там же, а договор в целом должен был позднее привезти от султана польский посол, что и сделал посланный с этой целью в Константинополь «Великий посол» Криштоф Збараский¹³. В тексте перевода привезенной им грамоты оказалось много неточностей и не выгодных для Польши пунктов, для устранения которых в Турцию было отправлено новое посольство в лице «скромного львовского армянина Криштофа Серебковича»¹⁴. Он должен был добиться изменения текста польско-турецкого трактата¹⁵. Серебкович выполнил свою миссию; кроме того, будучи в Константинополе, он выполнял и другие, не менее важные поручения польского короля и высокопоставленных особ.

Другой представитель этого рода секретарь польского короля Владислава IV—Стефан Серебкович еще при жизни Сигизмунда III исполнял дипломатические обязанности в Османской империи¹⁶.

Известным дипломатом середины XVII в. был армянин Ромашкевич, тридцать лет прослуживший в коронной канцелярии. Из Турции, куда Ромашкевич был послан в 1637 г. агентом гетмана Станислава Конецпольского, он присылал такие сведения, как, например, известные об уг-

¹³ М. А. Алекберли почему-то называет его Зборовским. См. М. А. Алекберли, Хотинская война, Черновцы, 1957; его же, Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии, Саратов, 1961.

¹⁴ B. Baranowski, Ormianie w służbie dyplomatycznej Rzeczypospolitej, „Myśl Karaimska”, Wrocław, 1946, стр. 126.

¹⁵ И. Цинкайзен (см. I. Zinkeisen, Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, Gotha, 1855, т. III), как и упомянутый выше М. А. Алекберли, ничего не пишет о К. Серебковиче (см. М. А. Алекберли, указ. соч.).

¹⁶ „Zbiór pamiątek o dawnej Polsce przez I. U. Niemcewicza”, т. 5, Warszawa, стр. 53.

розе нападения Турции на Польшу, об отправки нового хана в Крым и др.¹⁷

В октябре 1639 г. Ромашкевич вновь направился в Константинополь, на сей раз по поручению польского короля Владислава IV; рапорт написанный им о своем более чем десятинедельном пребывании в Константинополе, полон самых разнообразных сведений и проливает свет на некоторые стороны деятельности Ромашкевича в Турции. Интересно, что информацию Ромашкевич черпал порой из личных контактов с некоторыми турецкими должностными лицами, дополнял их собственными наблюдениями. Сообщая о готовящейся войне против Польши, он тут же отмечает, что «ремесленники днем и ночью работают», отливая пушки, приводит данные о количестве орудий и т. д.¹⁸

Польский двор зачастую использовал Ромашкевича и в качестве своего представителя и переводчика при выкупе пленных и неоднократно приставлял его к прибывавшим в Польшу восточным послам.

Более интенсивная деятельность Ромашкевича началась в конце 40—50-х годов при польском короле Яне Казимире. В 1649 г., когда королевская армия сражалась под Зборовом во главе с Яном Казимиром, при нем находился Ромашкевич, посланный сразу же после заключения мира с письмом канцлера Оссолиньского в стан казаков и татар.

В 50-е годы XVII в., в период подготовки новой войны крымского хана с Польшей, Ромашкевич, несмотря на напряженное положение, несколько раз ездил в Бахчисарай. Им был разработан рискованный план освобождения сына польского гетмана Миколая Потоцкого. Попытка Ромашкевича не увенчалась успехом и стоила ему тюремного заключения. Но и после освобождения он продолжал ездить в Крым с различного рода политическими, торговыми и финансовыми поручениями¹⁹.

В сношениях Польши с Крымом в 60-х гг. XVII в. заметную роль играли братья Криштоф и Захарнаш Пиатровичи, которые, начав свою деятельность с чина приставов при турецких и татарских послах, в дальнейшем часто посылались в Крым в качестве гонцов либо малых послов, получив в награду шляхетское звание²⁰.

Известной личностью в Речи Посполитой, оказавшей немалые услуги Львову при осаде его в 1648 г. войсками Богдана Хмельницкого, был старшина армянской общины Львова, известный купец и художник Аведик Криштоф Захнович. Городские власти постановили войти в переговоры с Хмельницким. С этой целью в лагерь была послана депутация из пяти человек, в составе которой был и представитель армян-

¹⁷ B. Baranowski, *Znajomość Wschodu w dawnej Polsce do XVIII wieku*, Łódź, 1950, стр. 142—143.

¹⁸ Essentialna relacja niejakiego Romaszekiewicza, sługi pana krakowskiego, który powrócił z Konstantynopola o d. Mehmet Baszy Kajmukana 22 Janara 1640 r. „Przyjaciel Ludu”, 1844, № 7, стр. 50—53.

¹⁹ См. B. Baranowski, *Orientale w służbie...*, стр. 13).

²⁰ Там же, стр. 133.

ской общины, враждебно настроенной к движению Богдана Хмельницкого, поскольку последний выступал в союзе с крымским ханом—васалом Турции²¹.

В итоге переговоров было решено выплатить Хмельницкому сумму в 288 621 фунт золотом, серебром и в товарах²². Конtribusi была распределена между жителями города; доля, выплаченная армянами, равнялась 49 694 фунтам²³.

В 1655 г. войска Богдана Хмельницкого во второй раз осадили Львов. Городские власти в состав депутации, получившей неограниченные полномочия, вновь включили К. Захновича. Депутации удалось добиться выгодных условий и спасти город от штурма²⁴. Сумма выкупа была сравнительно невысокой²⁵.

Любопытно, что, находясь в лагере Хмельницкого, Захнович и два других представителя Львова встретились с послом шведского короля. Этим послом являлся некий Гамоцкий, армянин, родом из Львова, впоследствии оказавшийся в Швеции. По требованию Хмельницкого шведский посол от имени своего короля клятвенно обещал посланникам Львова, что шведский король и его войска не вторгнутся в эти земли²⁶.

Спустя несколько недель после ухода украинских войск Ян Казимир направил Захновича вместе с королевским послом стольником Любовицким в Чехрынь для подписания мира с Хмельницким, практически доверив Захновичу это дело²⁷.

Как уже было сказано, усилившаяся в конце 60-х годов XVII в. турецкая агрессия против стран Восточной и Центральной Европы, в том числе и Речи Посполитой, вынуждала польское государство искать союзников в борьбе с татаро-турецкими завоевателями, вторгшимися в 1667 г. на его территорию и на протяжении почти тридцати лет грабившими и опустошавшими города и села.

В сложившейся внешнеполитической обстановке польское государство стремилось к созданию широкой антитурецкой коалиции с привлечением далекой Персии. Значительную роль в польско-персидских переговорах сыграл представитель семьи польских армян Гурдецкий—Богдан Гурдей, который, будучи почти треть века (1668—1699) польским резидентом в Иране, выполнял ответственные поручения польского (частично и русского) двора, стремясь склонить иранского шаха к союзу держав для борьбы с турецкой агрессией.

Богдан Гурдей, желая привлечь Иран к польско-русскому союзу против Турции, старался укрепить также русско-иранские экономиче-

²¹ Подробно см. В. А. Акопян, Армянские источники об Украине и украинцах, «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов», Ереван, 1961, стр. 225—226.

²² См. S. Вагдз, указ. соч., стр. 125; С. Кушевич, Облога Львова 1648 г., в кн. «Матеріали до історії Галичини», т. I, Львів, 1898, стр. 103—104.

²³ См. С. Кушевич, указ. соч., стр. 108, 117.

²⁴ S. Вагдз, указ. соч., стр. 391.

²⁵ «Матеріали до історії Галичини», т. 3, Львів, 1913, стр. 63.

²⁶ См. там же, стр. 154, 150.

²⁷ См. L. Когвіп, указ. соч., стр. 175.

ские и политические связи и мирно разрешить вопрос о присоединении части Закавказья (Восточной Армении, до реки Аракс) к России.

Исследованиями²⁸ и рядом свидетельств²⁹ показано его армянское происхождение, а в документе, написанном на грузинском языке и датированном 1670 г., сообщается от лица самого Богдана Гурдея, что он и брат его, Парсадаи, выходцы из Гори, сыновья Аракела, «находились долгое время на службе царя Польши»³⁰.

Другим видным дипломатом конца XVII в., которому польский король Ян Собеский отводил особую роль в своих планах привлечения Армении к антитурецкой коалиции, был армянин Константин Сулейман граф де Сири (Згурский), выходец из Португалии, великолепно владевший европейскими и восточными языками³¹.

Ян Собеский высоко ценил дипломатические способности графа де Сири, который еще при Яне Казимире и Михаиле занимал ответственный пост польского резидента в Вене. Здесь он принимал в 1669 г. чрезвычайного посла Польши коронного подканцлера Анджея Ольшовского и посредничал в делах польского короля с императором Леопольдом. Собеский привлекал этого дипломата к решению польских дел. Так, в 1677 г. Константин де Сири был послан вместе с хельмским воеводой в Константинополь по особо секретным делам, где он к большому удовлетворению польского двора отлично справился с поручением³². По возвращении оттуда де Сири в 1678 г. был направлен в Москву к царю Федору Алексеевичу для подтверждения Андрусовского перемирия, заключенного в 1667 г. между Россией и Речью Посполитой в связи с надвигавшейся опасностью турецко-татарской агрессии.

После блестящей победы Яна Собеского, одержанной над турками под Веной в 1683 г., и создания в 1684 г. «Священной лиги», направленной против Османской империи, идея привлечения к этому союзу и Персии не покидала польского короля. С этой целью в феврале 1684 г. из Польши в Исфагань выехал уже упомянутый резидент Богдан Гурдецкий (Гурдей), а спустя некоторое время туда же было направлено новое посольство во главе с Кантецким и армянином Теодором Мирано-

²⁸ См. В. К. Восканян, Армяно-русские экономические отношения в XVII в. (Роль армянского купечества в персидской торговле России), канд. дисс., Ереван, 1948; его же, Древняя Русь и Украина в судьбах армянского народа, «Исторические связи...», Ереван, 1961, стр. 36.

²⁹ Obszerna wiadomość o połączeniu narodu ormiańskiego z kościołem rzymskim, в кн. „Źródła dziejowe. Dzieje zjednoczenia ormian lwowskich z kościołem rzymskim w XVII w.” Wydał A. Pawłński, Warszawa, 1876, стр. 215.

³⁰ Научно-исследовательский институт рукописей им. К. Кекелидзе АН Груз. ССР (Тбилиси), ф. Sd, д. 2873. Документ выявлен и любезно предоставлен нам В. М. Мартыросяном.

³¹ S. Bałacz, Sobieski i Ormianie, „Dziennik Literacki”, Lwów, 1854, №№ 21—22 стр. 171.

³² S. Bałacz, Żywoty, стр. 120.

вичем³³. И, наконец, все миссии завершила посланная от имени польского короля и других союзных государств, входивших в «Священную лигу», делегация во главе с чрезвычайным и полномочным послом Константином де Сири³⁴. Перед посланниками стояла трудная задача — склонить персидского шаха Сулеймана к политическому союзу со «Священной лигой», убедив его в том, что турецкое могущество сломлено под Веной и что ему будут возвращены земли, захваченные Портой. В какой-то момент шах Сулейман был уже склонен на союз с Польшей, но он так и не примкнул к нему.

Говоря о планах вовлечения Персии в антитурецкую коалицию, нельзя не отметить, что польский король вынашивал мысль о восстановлении армянского государства, для чего вошел в переписку с эчмиадзинским патриархом в Стамбуле (конец 70-х годов XVII в.) Акопом Джугаеци. Смерть патриарха и турецкие вторжения сорвали планы Собеского. После победы над турками под Веной (1683) польский король начал переговоры с эчмиадзинским католиком Наапетом, склоняя его к союзу с Римом и обещая восстановление армянского государства. Готовившееся с этой целью в 1696 г. посольство во главе с секретарем Яна Собеского Шимоном Бедросовичем, доктором теологии, армянином, не достигло своей цели из-за смерти польского короля. Со смертью Собеского были похоронены и эти его планы.

Приведенный материал относительно дипломатической службы армян в Польше достаточно ярко свидетельствует о том вкладе, который внесли они в летопись польско-персидских и польско-турецких отношений.

Анализируя деятельность армян на дипломатическом поприще в Польше, можно прийти к выводу, что начиная с XIV в. армяне, найдя пристанище в Речи Посполитой, честно и верно служили вновь приобретенной родине, приютившей их, налаживали экономические, торговые и политические связи Польши с другими государствами. Б. Барановский пишет, что хотя отношение польского общества к армянам-дипломатам было противоречивым, это общество все же «вынуждено было признать, что никто так хорошо не умел выполнять свою миссию, как армяне»³⁵.

³³ Свидетельством деятельности его в Иране служит сохранившийся на христианском кладбище в Исфгане надгробный камень со следующей надписью: «Здесь похоронен грешник Теодор Миранович, посланник е. в. короля польского 9 декабря 1686 года». Cz. Chowaniec, Z dziejów polityki Jana III na Bliskim Wschodzie 1683—1686 r., „Kwartalnik historyczny”, z. I, Lwów, 1926, стр. 156—159.

³⁴ Нам представляется, что деятельность де Сири на дипломатическом поприще и странах Европы и Азии не согласуется с оценкой Б. Барановского, считающего его «типичным восточным авантюристом», «игравшим на антитурецких настроениях, господствовавших в западном обществе». См. B. Baranowski, *Ormianie w służbie...*, стр. 135.

³⁵ Там же, стр. 124.